

Редакция журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет одного из своих авторов – Пярвиза Гусейнова с присвоением ему звания «Заслуженный художник Азербайджана».

ПЯРВИЗ ГУСЕЙНОВ

ЗАПИСКИ КУКОЛЬНОГО МАСТЕРА

В Баку и на Абшероне сегодня солнечно и немного ветрено. Той изнуряющей жары уже нет. По вечерам прохладно и хочется прикрыть шею шарфом. Климат медленно, но уверенно приближается к континентальному. Последняя преграда перед суровой зимой – наше море. Оно, будучи солёным, как огромная грелка не даёт замёрзнуть городу.

Но это Баку. В Карабах зима приходит рано. Горные массивы предрасположены к морозу и долгому стоянию снега. Стыдно, но в Карабахе я был всего один раз, и то проездом. Теперь после Победы обязательно приеду туда пожить. Выберу время и заселюсь на недельку. А может, на две. Как сложатся дела. Возраст – будь он неладен, уже требует покоя.

Впрочем, покоя требует и вся эта благодатная земля. Вообще понятие земли очень сакрально. Когда ты ложишься на неё пластом, раскинув руки в стороны, и ощущаешь телом первородную глину (глину, из которой Бог создал Адама), земля становится частью единого с нами организма и органична с теми, кто на ней живёт. Происходит какая-то генетическая связь, некая невидимая диффузия с этими полями, атмосферным давлением и водой. Водой, которую мы в детстве пьём в зной. Записываемой в сердце, как записывается иголкой любимая грампластинка. Потом можно утолять жажду где угодно и чем угодно. Но это будет фальшью. Что-то не настоящее. Как утренний снег в саду и такое же образование в старом холодильнике. Вечные сравнения, никогда не достигающие горизонта.

Родина – она может менять свои магнитные полюса, язык, внешний облик. Казалось бы, путается и становится неустойчивым всё. Всё – кроме воды. Воды, которая когда-то через предков записалась в наши гены. Воды, вкус которой позволит нам утолить жажду. Жажду жизни, дарованную нам Всевышним. И сейчас нам всем хочется пить. Всем Азербайджанцам. Всем Народам, проживающим на нашей земле. И нет той силы, которая сможет нас остановить в желании напиться. Потому что это наша Жажда. Наша Родина. Наш Карабах.

Это уже второй комендантский час на моём веку. Как странно ощущать себя с содранной интеллигентной кожей, оставаясь с первородными оголёнными национальными мышцами. Всегда ощущал себя человеком мира. Увы. Ещё рано. По той простой причине, что его, этого мира, нет. Значит, подождём. А пока вспоминаю Анну Ахматову:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

И вечный Саади: «Розу сорвать невозможно, шипом не поранив руки...».

Война – это когда твой сын или муж никогда не придут домой. Жалко. Ибо самое страшное, что может придумать этот мир – оставить в старости женщину одну. Именно поэтому в эти дни я становлюсь азербайджанцем. Одним из миллионов. Рядовым. И объявляю сам себе комендантский час. В Душе. И буду тихо молиться в этот час. Очень тихо. Чтобы мы – азербайджанцы – победили. И обязательно, чтобы Бог простил наших врагов. И я не то что верю. Я просто знаю, что когда-нибудь... Не сейчас и даже не при наших детях, а наши потомки – дождутся. Дождутся мира. Без «укропов», «ватников» и «чурок». Дождутся мира, где будут люди. Люди с планеты Земля. А пока идёт война. Война, где я – Азербайджанец. Без гордости и принижения. Просто как данность. Как данность свыше. Вместе со своим народом.

Это уже стало совершенно очевидно: война перешла отчасти в партизанскую и полностью в информационную. То есть прицельно снайперски, в зависимости от самого оружия, будут попадания в сердце и будут ранения в душу. А это намного страшнее, чем привычная реакция пороха и тротила.

Это война для нас не просто – Отечественная. Это война света и тьмы. Наши враги не являются загипнотизированными. Отнюдь. В силу вступила тёмная сторона. А это уже епархия выше. Только не надо считать, что старый Пярвиз совсем выжил из ума. Не надо. А надо, по моему разумению, устраивать коллективные молитвы во всех святых домах – за Победу. Окончательную победу. Наверное, не нужно напоминать, что сам Великий Сталин организовал облёт самолета с иконой Богородицы и тем самым спас город Москву от немцев. Сегодня один совершённый азан в чудом сохранившийся мечети в Шуше сделал больше, чем военизированная до зубов реальная бригада. Ибо дух всегда сильнее плоти.

И нужно понимать, что в любой оккупационной войне есть свой «СС» и свой «Вермахт». «Вермахт» может снимать унитазы и оконные рамы, разбирать каменные стены. А вот поджигать леса, грабить музеи, раскурочивать могильные плиты и содержать свиней в мечетях – это уже дело рук «СС». Поймите, он – этот «СС» – не сдастся. Его в остаточном партизанском эквиваленте нужно будет уничтожить. Другое дело – «Вермахт». Есть реалии. Есть соседнее государство. Увы, мы не сможем в силу технического аспекта собрать их всех и переселить на луну. Нам придётся с ними жить. Жить соседями и перевоспитывать. Это наш человеческий и, если хотите, гуманитарный долг. Наша карма. И ни в коем случае, ни при каком раскладе нельзя допускать к ним их «СС». Их «СС» не умеет жалеть ни свой собственный народ и ни другой в принципе. Их задача – сделать из этого народа жертву. Ибо их хозяин – не человек. И всё человеческое ему чуждо и ненавистно.

Придёт время, и наша Отечественная война покажет в дальнейшем всему миру, какие мы Мусульмане. Мусульмане как часть мировой культуры. Без обогания и ненависти. Как люди. Обычные люди, верующие в свет. Как Христиане и Католики. Как Иудеи и Буддисты. Как все люди одной Книги. Где свет всегда побеждает. Я верю в свет. Я верю в добро. Я верю в Бога. А пока идёт дождь. Осень и немножко холодно. Сегодня привезут молоко к Манучару. Нужно брать. Оно хорошее и полезное. С часу до четырёх. Баиловские знают. Одевайтесь теплее и не забудьте шарф. На улице прохладно.

Так получилось, что в 90-е я был тесно связан с психиатрией. Нет-нет, с моей психикой всё нормально. Нареканий нет. Но по роду деятельности один из довольно близких мне психиатров привлекался по работе в Министерстве обороны. В приватной беседе друг сообщил мне про психическое состояние подонков, совершивших тогда нечеловеческие деяния по отношению к моему народу в период Первой войны.

Войны, когда мы потеряли Карабах. Тех пациентов держали в клиниках в отдельных помещениях. Ну не может человек выжигать ребёнку глаза сигаретой. Не может вспарывать беременной женщине живот. Не может разрубать грудного ребенка пополам и хлестать им его мать. Ни человек, ни животное этого делать не умеют.

В те времена мы с соседями помогали, чем могли, пожилым людям. В основном, русским. А для менявших мир по возрасту мы разбирали шифоньеры и делали из них гробы. Досок не было. Рыли могилы. Безвозмездно, как это свойственно людям. Я долго пытался понять, что же произошло тогда. И сейчас, спустя много лет, понял. Это дьявол. Тот самый, который ненавидит людей. Я не буду сейчас писать, что на протяжении 300 лет существования домов скорби не был излечен ни один человек. Ни один. В этом смысле экзорцисты оказали людям гораздо большую помощь, чем вся современная медицина в целом. Впрочем, о чем это я? Я о том, что если он есть, то значит есть и ОН. Создатель. Так я пришёл к Богу. Наблюдая природу, поняв однажды, что животное, каким бы хищным оно ни было, так не поступит. Это просто за гранью жестокости. За гранью ненависти. За гранью понимания.

У волка в районе шеи есть вена, которую если перекусить – волк умрёт. Истечёт кровью. Когда два самца выясняют отношения в стае, то более слабый ложится на землю и подставляет свою шею. И пока он лежит, другой волк никогда его не добьёт. Никогда не перекусит ему шею. У них так принято. До сих пор я не вижу логического ряда, смысла, если хотите, в запуске ракеты ночью в мирные дома, где спят люди. Они же спят. Они даже не смогут подставить шею. Да, война. Война, очень похожая на ту, где СС-вец разбивал голову ребёнку молотком, а потом слушал Баха. Война, где нельзя подставлять шею. Нельзя, потому что волков перед нами нет. Есть шакалы. А они чести не знают.

P.S. Нам уже нельзя останавливаться. Идёт наша Отечественная Война. Кто с нами и кто за нас – вечно будем помнить и славить. Кто против нас – берегитесь! Мы не одни. С нами Создатель.

Ну здравствуй, мой город! я всё ещё тебя узнаю. Надеюсь, и ты меня... маленького мальчика по Бешмяртябя... Помнишь, как два раза в неделю мы ходили с мамой в ЦУМ? Там по дороге справа была аптека. Я забегал в неё и рассматривал в банке пиваюк. Странный и таинственный подводный мир. Совсем рядом был газетный киоск с марками Кубы, где красовались жуки и бабочки. Я их ел глазами и просил, чтобы мне их купили. Взамен обещал всё, что я тогда имел и умел. А имел я Вселенную и умел только быть рядом.

Первый этаж ЦУМа, отдел слева – игрушки. Что сейчас продают детям? Это же не даёт ни малейшего шанса думать и фантазировать... А впрочем, брюзжу. По-стариковски...как всегда... Хотя откуда это? До сих пор вздрагиваю, когда ко мне обращаются: агсакал или даи. До сих пор хочется вскочить и уступить место старшему в автобусе. И только потом приходит осознание, что этот старший младше меня... Откуда эти странные взгляды в мою сторону, когда я играю с пустой банкой в футбол? Куда пропали самые красивые девочки в мире, уголком глаза сканирующие тебя как дикого зверька, и улыбки, за которые хотелось умереть? В чём прелесть этих десятков разноцветных мороженных в маркетах, которые не делают никого счастливыми? Где деревянные ящики на подшипниках с сухим льдом? где пломбир?

Как удивительно быстро стираются целые улицы с их историей. Как странно и удивительно быстро.

Нет улицы Басина с её трамваем и счастливым билетом, где первые три цифры в сумме давали такое же число, как и последующие.

Уже не узнать Парапет с его единственной по тем временам пальмой.

Помню, как я каждый раз переживал с наступлением холодов, что её ещё не покрыли полиэтиленом. Хотелось снять свой шарф, обмотать её. А эти вечерние неоновые огни с незамысловатыми и вечными надписями рубленой гельветикой! Тот кусочек счастья, который я получил тогда, был заполнен не чёрными «воронками» под утро, а фургонами с надписью: Хлеб. Но и счастье – мимолетно. Впрочем, всё справедливо и, наверное, верно. Так надо. Вселенная не терпит стагнации. Ей нужны перемены. Вот только мне от этой юдоли совсем не весело...

И ещё...Если я куда-то теперь не пришёл, куда меня так звали, значит я, наконец-то, научился жить со своими принципами. Значит, я научился ходить не сутоло. Значит, я, наконец-то, научился не подавать руки тому, кто этого не заслуживает...И не нужно смеяться, когда я играю с пустой банкой в футбол. Потому что я обязательно когда-нибудь забью гол. Гол в ворота Рая. А потом придёт время, и я сяду в трамвай на Басина и поеду... обязательно со счастливым билетом. Туда, где меня спросят: как ты жил? А я отвечу, что не успел, Господи... Не успел... Ты так много сотворил, что у меня не хватило времени... А потом мы будем меняться. Я ему счастливый трамвайный билетик, а он мне – вторую жизнь. В крайнем случае, добавлю конвертик с кубинскими марками. Но только с бабочками. Всё равно эта жизнь большего не стоит.

Осень оказалась чужая. Не то чтобы мачеха, а так – обнявшая сумки, уткнувшаяся в окно попутчица в автобусе. Да и сам автобус едет теперь по другому маршруту. Господи, как же хочется крикнуть водителю: останови!

Выйти из духоты и вдохнуть полной грудью свежий холодный воздух. Выйти и попробовать поискать свой дом. Самое чудовищно больное – это то, что ты понимаешь, что дома больше нет, но ты всё равно ищешь. И идёшь. Все больше уходя в себя, потому что это единственный способ подойти вплотную к горизонту. Там, за горизонтом, будет твой новый дом. Нужно просто идти. Идти и обязательно приветствовать всех, кто идёт к тебе навстречу. Потому что в спину не приветствуют. Я это знаю. Это то небольшое, что я успел вынести из старого дома.

Ты сидишь в парке в мятой куртке и в сандалиях на босу ногу всё ещё в ожидании той самой и на всю жизнь. Осень тихо заходит сзади и, прикрыв твои глаза холодными ладонками, требует отгадать. Ты в отчаянии перебираешь все времена года, включая страны и когда-то существовавшие континенты. Осень хихикает и, совершенно не ревнуя, отвечает: нет. Не ревнуя, потому что понимает – она пришла и, как и ты, надеется, что надолго. И только когда ты в отчаянье выкрикиваешь: Пангея! – она отпускает руки и, целуя тебя холодными губами в щечку, удивлённо сообщает тебе, что это она – Осень! Ты смущаешься и неуверенно бормочешь в ответ: «ну давай у листьев спросим» или «налить чернил и плакать». Потом она по-кошачьи перебирается к тебе на коленки и мурлычет на ушко про тёплый плед и любимую книгу, где всегда всё будет хорошо. Ты веришь ей и живёшь с ней до следующего лета. Лета, как данности бытия с его пляжем и запахом моря, исходящего от женской кожи. Доступной и одновременно такой далёкой, как твоя юность.

Не люблю спорт, ибо вижу в нём какую-то древнюю и унижительную сакральную тайну «хлеба и зрелищ». Не люблю, так как любое физическое противостояние – есть война между двумя или несколькими народами. Постоянное дежавю преследует меня, когда боксеры, представляющие разные государства, бьют друг друга по голове. Той самой, которую когда-то в детстве целовала мама и обнимал отец.

И вот в конце концов самый сильный ударяет так изощренно, что другой человек падает на пол и ему никто не помогает встать. А полная попкорна толпа кричит на него, чтобы он встал, потому что они вложили в него деньги. Дальше вообще происходит нечто невероятное. Человека, который ударил другого человека, не забирает полиция, а наоборот, ставят на пьедестал, вешают медаль на шею и в честь государства, которое делегировало его бить людей по голове, играют гимн и поднимают флаг. Мне кажется, что во время военных действий подобный протокол, в той или иной форме, так же имеет место быть.

Или взять футбол. Как мне жалко проигравшую сторону! Хочется обнять каждого и ободрить! Вы поймите, они же столько тренировались! Изнуряли себя. Так хотели победить...но не получилось. Можете кинуть в меня камень, но мне всегда жаль проигравшего. Всегда. Я вижу (так уж устроено моё зрение) не спортсмена, а ребёнка. Ребёнка, который хотел быть первым. Но и это не самое страшное. Толпа, следившая за игрой в футбол, выходит с арматурами в руках и люди начинают бить друг друга. Бить жестоко, без правил и не по-человечески, включая лежащих. Впрочем, и охота на животных в наш век супермаркетов мне тоже непонятна и видится жестокой...

Или вот муссирующаяся по юбилеям тема войны с Германией. В том числе в виде художественного кино, театральных постановок и всяко-разно перформансов. Вы скажете, есть документалистика? Но в тотальной войне любой зафиксированный видеоряд и все визуальное в принципе всегда проходило и проходило цензуру. Цензура отступает на кухне, где по старинной советской традиции люди тихо высказывают своё мнение о происходящем. Мне повезло. Я помню всё, что слышал от тех, кто прошел ту войну. Сначала по-детски наивно, а потом заостенело по-взрослому. Одно могу сказать однозначно. В отличии от шоуменов люди, прошедшие тот ад, совсем не многословны. А теперь и вовсе...

Да, мне жалко. Ибо не ведают, что творят... эти потомки Бетховенов, Эйнштейнов и Жуковских. Жалко Вермахт, где в первых рядах были неугодные режиму интеллигенты, игравшие огрубевшими руками Шопена и Чайковского на разбитом фортепьяно в доме без окон. Жалко штрафников, не имеющих права отступать. Жалко одиноких женщин и детей-сирот. Жалко людей разных национальностей, поверивших своим «тренерам» и проигравших... Жалко людей, устанавливающих памятник Царю, чтобы потом снести его и установить другой – Ленину. Чтобы в свое время снести и его и установить другой... Блажен, кто верует. Верует своему «тренеру» и не верит своей душе и сердцу. Блажен, кто не хочет думать, а доверяет этот процесс своим «тренерам». Да, так уж получилось, что я не люблю спорт. Зато я люблю зелёную лужайку, где смешная собака бежит за мячиком, чтобы принести его тебе. Потому что отдать своё сердце человеку заложено в ней изначально... А ещё я верю душе, принадлежащей ЕМУ и сердцу, принадлежащему мне. Так и пойдём на парад вместе. И со мной будут конь, собака и кошка. И родители будут живые...

Ночью мне приснился Ной. Он стоял на палубе под проливным дождём и, широко расставив ноги, пел:

«Пароход плывет мимо пристани, Мы на фронт идём Коммунистами».

Где-то глубоко в трюме Гималайский медведь в обнимку с Галапагосской черепахой дружно подпевали:

«Пароход упёрся в берег, Капитан кричит: "Вперёд!" Как такому рас...дяю доверяют пароход?»

Где-то из морских пучин вынырнул Человек-амфибия, держа в вытянутой руке трамвайный билет, и кричал в сторону ковчега:

«Гражданин хороший, до берега не подбросишь?»